

Л. Р. Зурабова <https://orcid.org/0000-0001-5053-0745>

Проявление социального и индивидуального двуязычия в речевых практиках

Данное исследование имеет своей целью провести обзор случаев проявления в речи последствий языковых контактов в рамках индивидуального и социального двуязычия. В статье представлены исследования отечественных и зарубежных лингвистов в области языковых контактов и двуязычия, а также теоретические положения, разработанные в русле социолингвистического, прагматического, генеративного направлений, что определяет междисциплинарный характер работы. Автор фокусируется на таких явлениях, как интерференция во взаимодействующих языках, формирование смешанного языка, переключение языковых кодов в речи билингов. В статье представлены несколько видов переключения: внутрифразовое и межфразовое, а также альтернативное и инсерционное. Автор приводит характеристику речевого поведения пяти двуязычных сообществ, а именно билингов центральной Украины и Республики Марий Эл, членов русской диаспоры в Нью-Йорке, коренных народов Алеутских островов и акадийцев г. Монктон. Речевые привычки данных групп различаются по степени проявления конвергентных процессов в системах двух языков, сфокусированности и диффузности, распространенности переключения и смешения языковых кодов. В статье приводится характеристика морфо-синтаксических и лексических аспектов взаимодействия двух языков в речи рассматриваемых групп, а также экстралингвистических факторов, играющих роль в становлении их речевого поведения. В работе также поднимается вопрос о спорном статусе языковых формаций и роли языковой игры в речевых практиках билингов. Результаты проведенного исследования углубляют представления о языковой вариативности и взаимодействии языков в условиях языкового контакта, а также могут быть использованы в качестве теоретической базы для исследований по смежной проблематике.

Ключевые слова: двуязычие, переключение кодов, смешанные языки, диглоссия, коренные языки, шиак.

L. R. Zurabova

The effects of societal and individual bilingualism in speech

This study aims to showcase the consequences of language contact manifesting in speech in situation of individual and societal bilingualism. The research is based on modern studies of Russian and foreign linguists. The author focuses heavily on the phenomenon of code-switching, highlighting several types of switching and relies on the ideas developed in sociolinguistic, pragmatic, generative studies of CS. The article gives a detailed description of the speech in five bilingual communities: bilinguals in Central Ukraine and in the Mari El Republic, Russian diaspora in New York, indigenous peoples of the Aleutian Islands and Acadians of Moncton. Speech habits of these groups differ in the way two language systems converge, the degree of focusing and diffusing in the community, the frequency of code-switching and code mixing. The article gives a description of morpho-syntactic and lexical aspects of their speech as well as extralinguistic factors that influence the development of their verbal behavior. Moreover, it raises the question of the status of spoken variants and the role of language play in bilingual speech practices. In addition, the author focuses heavily on the phenomenon of code-switching, highlighting several types of switching. The results of the study contribute to the field of language variation, code-switching and language contact.

Keywords: bilingualism, code-switching, mixed languages, diglossia, indigenous languages, chiac.

Представления о составе языков, имеющих хождение на определенной территории, их статусе и функционировании в обществе трансформировались за последнее столетие на фоне развития контактной лингвистики. Языковые контакты, как правило, обусловлены историческими, политическими и географическими факторами, при которых языки претерпевают изменения, связан-

ные либо с их обоюдным влиянием друг на друга, либо с доминирующей позицией одного из них.

Традиционно в качестве точки отсчета при анализе многокомпонентной языковой ситуации принимается моноязычие, и, как следствие, случаи использования двух языков в рамках одного коммуникативного акта предстают как отклоне-

ние от нормы. Однако, отталкиваясь от ситуации моноязычия, затруднительно адекватно оценить речевые практики в регионах, для которых характерна продолжительная история языкового контакта, где, как отмечает Е. В. Головкин, ситуация двуязычия является скорее нормой, чем исключением [4, с. 298].

Вместе с тем анализ специфики использования индивидом нескольких языков вне зависимости от региона проживания также требует рассмотрения, учитывая современные глобализационные процессы, в рамках которых в связи с экономической и политической миграцией языки этнических групп/национальные языки проникают в нехарактерный для них ареал распространения и используются представителями различных диаспор наравне с языком страны иммиграции.

Важно подчеркнуть, что понятие *билингв* углубило и расширило свой терминологический потенциал в связи с увеличением возможностей в сфере образования и туризма. Традиционное понимание термина, как его определял американский лингвист Л. Блумфилд, подразумевает «индивидов, которые владеют двумя языками, как носители» [2, с. 5]. В настоящее время к билингвам относят индивидов как с естественно приобретенным двуязычием без доминирующего языка, так и с искусственно приобретенным двуязычием с одним доминирующим языком [2, с. 6]. Таким образом, коммуникативная компетенция билингва гибка и может включать широкий спектр коммуникативных навыков, в том числе владение двумя и более языками и/или диалектами в равной или различной степени, способность использовать доступные языковые коды с учетом как морфосинтаксических норм построения речи, так и экстралингвистических особенностей, характерных для языкового сообщества и с применением различных коммуникативных стратегий [15, с. 115].

Определим круг проблем, которым посвящены исследования в области контактной лингвистики. В него входят последствия взаимодействия двух и более языков, в том числе такие аспекты изучения языковых контактов, как изменения в контактирующих языках на лексико-семантическом и морфосинтаксическом уровне; новые языковые образования, вызванные процессом пиджинизации и креолизации; особенности речевого поведения носителей контактирующих языков, в частности, переключение языковых кодов и появление смешанных языков [1, с. 11]. В настоящей работе предпринята попытка описа-

ния нескольких случаев реализации в речи последствий языкового контакта в рамках социального и индивидуального двуязычия.

В качестве **первого случая** выделим речевые практики билингвов-носителей близкородственных языков. При описании данной языковой ситуации часто отмечается высокая степень интерференции в речи билингвов. В исследованиях украинско-русского двуязычия такое интенсивное языковое взаимодействие определяется как суржик или суперинтерференция. Автор указывает на две точки зрения в понимании суржика. Согласно первой любое проявление интенсивного интерферентного процесса в речи с использованием русского и украинского языков является суржигом, вне зависимости от социального статуса и уровня образования говорящего. С другой стороны, отмечается, что доминирующим является мнение о низком уровне культуры и образования говорящих на суржике, а также неспособности варьировать речь в соответствии с нормами двух языков [10, с. 93-94]. Автор подчеркивает неоднозначность классифицирования суржика в лингвистических исследованиях. Так, помимо прочего, суржик относят к самостоятельному языку, полужазычию, молодежному сленгу, жаргону, пиджину и просторечию [10, с. 99-100]. Таким образом, наблюдается терминологическая вариативность и плюрализм взглядов на классификацию языковых кодов в исследованиях языковых контактов.

Регионами распространения суржика являются центр Украины, в частности, центрально-восточный подрегион (Левобережье) [10, с. 97]. Среди причин интерферентных процессов уместно выделить исторически сложившуюся социоэкономическую ситуацию, способствующую распространению смешанных украинско-русских форм речи, так и языковую политику, направленную на распространение национально-русского двуязычия.

На уровне морфологии выявляются потенциальные зоны интерференции для каждой части речи. Так, в сфере существительного отмечается преобладание русских флексий в именительном падеже мн. ч., например: *вчителя*, вместо укр. *вчителі*; утрата характерных для украинского языка флексий в дательном и звательном падеже, но их сохранение в родительном. Среди прилагательных наблюдается употребление русских флексий в формах предложного падежа в ед. и мн. ч., а также преобладание моделей образования степеней сравнения русского языка: *у пер-*

шом класі вместо укр. у *першому* класі; *самі вищі* вместо укр. *найвищі*. В использовании глаголов зафиксировано параллельное употребление русских и украинских инфинитивных окончаний *-ти / -ть*, а также окончаний *-имо / -емо* и *-им / -ем* в форме 1 л. мн. ч., например, *заїдемо, поїдемо, думаєм*. Кроме того, наблюдается использование русского словообразующего суффикса *-л-* при формировании форм прошедшего времени вместо украинского *-в-* [10, с. 208-209].

В целом, в связи с близостью языковых систем, грамматическая интерференция в суржике довольно обширна несмотря на то, что традиционно грамматическая система, являясь «жесткой системой значений и форм с присущей ей иерархией классов, подклассов, определенных уровней», значительно более устойчива к интерференции [9, с. 86].

На лексическом уровне интерес вызывают случаи нарушения структуры устойчивых словосочетаний под влиянием русских эквивалентов; попеременное использование украинских и русских тождественных лексем; использование межъязыковых омонимов в значении, характерном для русского языка: *другий – инийий* (укр. *другий* – второй); *в єзових рукавицях тримала* (укр. *тримати у лецатах/лабетах* – держать в езовых рукавицах) [11, с. 208-209].

На наш взгляд, как и в других случаях контактных языковых явлений, интерес вызывает вопрос соотношения сознательного употребления, спровоцированного, среди прочего, экономией речевых усилий, и неосознанного употребления, продиктованного принятым в коллективе языковым поведением.

Второй случай включает в себя особенности употребления языка среди представителей малых народов. В исследовании В. Г. Гавриловой о марийско-русском билингвизме в Республике Марий Эл автор рассматривает грамматические особенности переключения с марийского языка на русский язык и наоборот на материале транскрибированной спонтанной устной речи [3]. Основное внимание в работе уделяется лингвистическому подходу к анализу переключений. Переключение кодов (ПК) определяется как «смена двух языков в пределах одного речевого акта, предложения или его части» [19, с. 224].

Отмечается, что в связи с интенсивным языковым контактом в регионе и по экстралингвистическим причинам, способствующим овладению двумя языками, наблюдается конвергентное развитие марийского и русского языков и упо-

ребление в речи двух кодов [3, с. 17]. Среди функций переключения выделяется смена адресата и темы разговора, в частности, в связи с диглоссной языковой ситуацией; тематическое регулирование языкового выбора особенно свойственно марийско-русскому ПК [3, с. 29].

Матричным языком является марийский, и два кода в своем процентном соотношении активируются в разной степени. Термин *матричный язык* (matrix language) широко применяется в исследованиях переключения кодов для обозначения доминирующего языка коммуникации, в то время как *языком иноязычных вкраплений* (embedded language) называется язык-донор иноязычных вставок [4, с. 300].

Были выявлены случаи как интерсентенциального (межфразового), так и интрасентенциального (внутрифразового) переключения. Заметим, что в понятие межфразового переключения автор включает случаи переключения в сложных предложениях, а под внутрифразовым переключением В. Г. Гаврилова понимает смешение кодов в рамках простого предложения. Термин «фраза», таким образом, используется в работе «для обозначения минимальной единицы речи, завершенной интонационно и по смыслу» [3, с. 17].

Результаты исследования показывают, что в спонтанной речи мари межфразовое переключение представлено значительно реже, чем внутрифразовое. Тем не менее, было выявлено три типа межфразовых марийско-русских переключений, а именно попеременное использование простых предложений; поочередное употребление предикативных частей сложного предложения на марийском и русском языке; использование вводных слов и сочетаний в значении «как говорится/как говорят/говорит» на марийском языке [3, с. 27], выступающих триггерами переключения. Слова-триггеры (trigger words) представляют собой слова в речи двуязычных носителей, которые провоцируют переход на другой язык либо в преддверии их употребления, либо после [13, с. 125].

Данные триггеры в марийско-русской коммуникации используются для передачи прямой речи на русском языке, а также для плавного перехода на марийский после фразы на русском:

Наглость, все, я не скажу за всю Одессу манме гай, ом паре вет чыластым (Наглость, все, я не скажу за всю Одессу, **как говорится**, я ведь не знаю всех) [3, с. 22].

Были выявлены случаи переключения как в сложноподчиненных, так и в сложносочиненных предложениях, однако частотность первых оказалась выше. Среди сложносочиненных предложений отмечено чередование независимых предикативных частей на обоих языках, соединенных противительными союзами *a*, *no* [3, с. 23-27]. С нашей точки зрения, важно отметить, что данные союзы присущи обоим языкам, что упрощает переход с одного языка на другой. Таким образом, их также можно отнести к словам-триггерам; вместе с тем, для амбивалентных слов, которые не могут быть четко отнесены к одному из языков двуязычной коммуникации, в исследовании ПК используется термин *слова-мости* (bridge-words), так как их неоднозначный статус может провоцировать переключение [12, с. 321].

При анализе внутрифразового переключения обнаруживается несколько тенденций. В. Г. Гаврилова указывает на связь между типом синтаксической связи и возможностью переключения, которая заключается в том, что слабая связь между компонентами предоставляет больше возможностей для переключения [3, с. 23-27]. Данное наблюдение соотносится со структурными ограничениями переключения кодов, описанными Ш. Поплак. Так, согласно ограничению эквивалентности (equivalence constraint) существует тенденция к переключению на границах совпадения поверхностных структур языков. Граница ПК проходит между фрагментами двух языков, которые не накладывают структурные ограничения на свое окружение [19, с. 228].

Таким образом, включения могут быть представлены как отдельной словоформой, так и словосочетанием. Употребление словоформы русского языка может распространяться на ее окружение, провоцируя употребление зависимого слова также на русском языке: *Мый не обращаю внимания, просто воштылам да каем* (Я не обращаю внимания, просто смеюсь и ухожу) [3, с. 38].

Словосочетания на русском языке в билингвальных предложениях с марийским языком в качестве матричного разделяются на три типа, а именно: неадаптированные (интегрированные по смыслу, но построенные по правилам русского языка); полуадаптированные (сохраняющие порядок слов русского языка, но претерпевающие прибавление морфологических показателей марийского языка); адаптированные (измененные полностью в соответствии с правилами марий-

ского языка) [3, с. 41]. Степень адаптированности словосочетания и стратегия его включения в предложение зависит от связи компонентов словосочетания: тесная связь компонентов жестко определяет порядок слов и препятствует морфологической адаптации. Таким образом, смешение грамматических структур представляется возможным из-за частичного или полного совпадения грамматических значений и отсутствия конфликта между сочетаемыми единицами.

Третий случай иллюстрирует специфику речевых практик представителей диаспор. В исследовании коммуникативных привычек представителей русской диаспоры в Нью-Йорке Э. Грегор анализу подвергается спонтанная устная речь трех групп иммигрантов первого поколения разных возрастных групп в рамках теории переключения кодов [16].

Автор использует классификацию П. Ауэра, выделяя случаи альтернативного (alternational) и инсерционного (insertional) переключения кодов. Под *альтернативным переключением* понимается поочередное использование двух и более языков таким образом, что на каждом отрезке речи говорящие используют только один из доступных им языков. Данный тип переключения происходит на синтаксических границах и используется в качестве стилистического инструмента и риторического приема. *Инсерционное переключение* характеризуется внутрифразовым переключением, наличием иноязычных вставок, как правило, выраженных существительными, реже глаголами, прилагательными и наречиями. Оба типа переключения могут использоваться как для демонстрации ориентации на двуязычное общение, так и вследствие нехватки словарного запаса говорящего в языке коммуникации в конкретный момент времени. В обоих случаях ПК может быть маркировано просодически и дискурсивно, например, через интонационное ударение, паузы гезитации и металингвистические комментарии. Элемент инсерционного переключения может быть морфосинтаксически интегрирован в язык коммуникации или же сохранять исходную грамматическую структуру [14, с. 314].

Важно отметить, что матричным языком коммуникации выступает русский, в то время как английский функционирует как язык иноязычных вставок. Большинство случаев переключения в работе носят характер инсерционного ПК и состоят из отдельных лексем-существительных и прилагательных. Также выделяются дискурсивные маркеры-теги, наречия и глаголы; последние

составляют наименее частотную группу [16, с. 134].

Среди лексем, входящих в группу существительных, выделяются простые, сложные и составные, среди них имена нарицательные и собственные. Отметим, что лексемы могут быть частично фонологически и/или морфологически адаптированы. Тем же изменениям подвержены и глаголы, однако интересен тот факт, что адаптация глаголов вызвана языковой игрой и, таким образом, является сознательной со стороны респондентов, которые указывают на ее смешанный характер. Вместе с тем, прилагательные и наречия не имеют тенденцию к адаптации ни на морфологическом, ни на фонологическом уровнях [Ibid., с. 138-140].

Сделаешь art history и у тебя будет degree в psychology и будешь art psychologist [16, с. 101].

Надо пойти в Columbia University [16, с. 135].

I mean you can't end, you know, and you, you gonna be done // Засейвай, пожалуйста! (Сохрани файл, пожалуйста!) [16, с. 143]. В данном примере наблюдается использование адаптированного глагола англ. яз. *to save* (сохранять).

Э. Грегор уделяет большое внимание функциям и причинам переключения, придерживаясь социалингвистического и коммуникативно-прагматического направлений изучения ПК. Для описания переключений, состоящих из более чем одной лексемы, ученый использует модель П. Ауэра, выделяя четыре типа переключений, а именно: инсерционное ПК, ориентированное на участников; дискурсно-ориентированное инсерционное ПК; альтернативное ПК, ориентированное на участников; дискурсно-ориентированное альтернативное ПК [16, с. 130]. Отмечается, что именно данная классификация имеет значение при анализе эмпирического материала на предмет мотиваций и функций переключения в речи. Также автор опирается на модель рационального выбора К. Майерс-Скоттон, согласно которой переключение кодов может рассматриваться как результат рационального выбора говорящего для достижения определенной цели в процессе коммуникации [16, с. 131].

Для иллюстрации случаев альтернативного переключения кодов Э. Грегор выделяет семь типовых вариантов развития коммуникативного акта в соответствии с тем, каким образом языки участвуют в коммуникации. Автор делает вывод о том, что различия в речевом поведении представителей диаспоры во многом зависят от их

языковой компетенции в двух языках и предпочтений к использованию одного из них [16, с. 146-147].

Таким образом, респонденты со сбалансированным билингвизмом имеют тенденцию к альтернативному переключению, ориентированному на адресата, т. е. переключаются для аккомодации собеседника-билингва с доминирующим языком. Они также демонстрируют большее разнообразие стратегий в выборе языка коммуникации, что проявляется, в том числе, через переключение кодов [16, с. 157].

Четвертый случай можно отнести к смешанным языкам (СЯ). Впервые данный класс контактных языков был представлен в работах лингвистов в конце XX века. Исследовав особенности беринговского диалекта алеутского языка и языка коренного населения острова Медный, Е. В. Головкин приводит следующее определение СЯ: «язык, который образовался как результат негенетического развития двух языков, причем возник не в качестве языка-посредника, необходимого для обеспечения коммуникации, а как средство групповой самоидентификации для внутригруппового общения» [6]. Исходными параметрами формирования такого языка является билингвальный статус членов группы. СМ состоит из различных частей языков-источников, однако значительная часть грамматики принадлежит одному языку, а лексики – другому [6].

Как отмечает автор, смешанные языки не являются результатом конвергенции, а также не могут относиться к пиджинам и креольским языками, поскольку последние формируются в условиях «коммуникативного вакуума» на базе примитивных грамматических структур и лексических единиц языка-лексификатора. Напротив, для смешанных языков не характерно наличие коммуникативного вакуума и отсутствие средства коммуникации, поскольку его будущие носители изначально двуязычны. Они обладают языковым выбором использовать Я1 или Я2, или сочетание Я1Я2. Важно, что использование Я1Я2 приводит к формированию Я3, который начинает выступать в качестве родного для второго поколения говорящих и становится инструментом конструирования идентичности группы [6]. Связь языка и идентичности проявляется в формировании последней в процессе коммуникации и взаимодействия, в связи с чем она «признается явлением динамичным, меняющимся во времени и в зависимости от переживаемого опыта и социальных условий» [8, с. 318].

В условиях двуязычия носители получают возможность интуитивно сравнивать и противопоставлять языковые системы. Способность сознательно провоцировать языковые изменения подразумевает осознание носителями грамматических категорий как отдельных смысловых элементов. Грамматическая система языка носит социально-статусный характер, поскольку способность к выстраиванию грамматически верной и прагматически содержательной речи выступает идентификатором социального статуса носителя. Сознательное управление элементами языка позволяет по-разному передавать определенные смыслы в зависимости от целей, ситуации общения и социального статуса в силу вариативности языка [12, с. 67-68].

С другой стороны, в ситуации, близкой к полному двуязычию, речевые привычки носителей характеризуются постоянным использованием двух языковых кодов и переключением между ними, в результате чего может снизиться и даже исчезнуть способность их различать. В связи с этим ученый приводит теорию сфокусированности и диффузности Р. Ле Пажя и А. Табурекеллера, в соответствии с которой при изучении таких явлений, как переключение, смешение кодов, двуязычие и многоязычие недостаточно учитывать только структурные элементы языка, необходимо рассмотрение отношения языковых коллективов к используемым ими языкам. Так, некоторые языковые коллективы имеют четкие представления о границах языков, которыми они пользуются. Таким образом, элементы, выходящие за пределы одного языка, для них легко различимы. Такие языковые коллективы также не имеют сомнений по поводу статуса и названия языков, носителями которых они являются. В данном случае речь идет о большей сфокусированности. Вместе с тем некоторые коллективы не имеют четкого представления о языковой норме, элементах, входящих в употребляемые ими языки, а также границах, за пределами которых начинается другой язык. Для них характерно использование двух языковых кодов одновременно и высокая степень диффузности [4, с. 310-311]. Тем не менее, переключение происходит по определенным структурным и социолингвистическим правилам, что предполагает некоторую степень осознания отдельных элементов как самостоятельных сущностей со стороны носителей.

Отметим несколько особенностей проанализированных ученым языковых образований.

Е. В. Головки выделяет проявления языковой игры и сознательного осмысления грамматики, выраженные русскими вставками без оформления алеутскими посессивными показателями для передачи родительного падежа; заимствованием морфологических показателей русского языка; эквивалентом русской частицы *бы* сослагательного наклонения; заимствованием связанных морфем, например, появление формы 1 л. мн. ч. императива на *-м*; заимствованием уменьшительно-ласкательного суффикса *-ушк/юшк-* в форме *-уск*; дублированием тождественных морфем русского и коренного языка, например *-уска* и *-куза-* (выражают значение “маленький”); появлением неопределенных местоимений, состоящих из вопросительных слов коренного языка *кто* и *что* и модифицированной русской частицы *-то*.

талиг'шчим (давайте станцуем) [6];

агитаад-уска-куза-н (милый мой дружочек) [6];

киинта (кто-то) / *алк'ух'та* (что-то) / *кана(а)нта* (какой-то) [5, с. 227, 239].

Пятый случай характеризуется неоднозначным статусом языковых формаций, возникших впоследствии контакта. Рассмотрим вариант французского языка в Канаде, интерпретация которого в научной литературе вызывает споры. Данная языковая формация носит название *шиак* (*chiac*) и распространена на территории исторически активного языкового контакта английского и французского языков в регионе Акадия. Регион охватывает прибрежные провинции: Нью-Брансуик, Новая Шотландия и Остров Принца Эдуарда, а также некоторые территории, на настоящий момент относящиеся к провинции Квебек (Гаспези – Острова Мадлен, Кот-Нор). Наше внимание обращено на провинцию Нью-Брансуик, где франкофоны составляют 33 % населения и проживают в большинстве своем на юго-востоке в г. Монктон. Среди билингвов данного региона наблюдается речевое поведение, для которого характерно использование, по терминологии А. Тибо, гибридного кода [20, с. 39, 42-43].

Анализ спонтанной устной речи в исследовании М-Э. Перро позволил выявить динамику изменения лексического состава *шиака*, в которой наблюдаются две противоположенные тенденции, охватывающие жизненный цикл и функционирование английских элементов. С одной стороны, отмечается включение все новых английских лексем, например, наречия *again*; повыше-

ние частотности употребления уже вошедших в шиак лексем, в частности, союза *because* и его сокращенной формы *'cause*; диверсификация лексем в рамках одной категории, как в случае с союзами *although*, *even though*, появление гибридных англо-французских союзных конструкций, в частности, *either...ou*, расширение группы наречий меры и степени *so much*, *(pas)...that much*, *(pas)...as much*, *pretty much* [17, с. 203-204].

je suis allé à l'école even though je feel-ais mal (Я пошел в школу, хоть я и чувствовал себя плохо) [17, с. 204].

С другой стороны, наблюдается обратный процесс – сокращение употребления английских элементов, среди прочего, предлога *about* в предложных конструкциях *penser about / parler about / être about / entendre about / dire about / savoir about* в пользу французских эквивалентов [17, с. 208, 213-215]:

ça que moi je get pas c'est how come que la seule solution que le monde peut penser à c'est la guerre (что до меня, то я не возьму в толк, как так получается, что единственное решение, о котором мир может думать, это война) [17, с. 208]. Отметим постпозицию предлога, что не характерно для французского языка.

При анализе шиака в рамках теории переключения кодов отмечается, что матричным языком выступает французский: французские грамматические структуры доминируют; тем не менее, на уровне лексики наблюдается высокая частотность употребления английских лексем. Для внутрифразового переключения характерно использование английских словоформ и словосочетаний, включающих простые и составные существительные, имена собственные; прилагательные; наречия; ономотопеи; дискурсивные частицы и междометия; обценную лексику [20, с. 58-59].

right now j'ai pas de job / la plupart de mon argent well / pretty much tout mon argent vient de mes parents (Сейчас у меня нет работы / большую часть моих денег, вообще-то / почти все деньги я получаю от родителей) [18, с. 149].

Английские глаголы в речи на шиаке часто подвергаются морфологической адаптации путем аффиксальной деривации, т. е. посредством прибавления к английскому глаголу в форме *bare infinitive* окончания *-er* инфинитива фр. глаголов 1-ой группы [7, с. 34-35], однако необходимо заметить, что это происходит не всегда; наблюдается использование также неадаптированных глаголов или глаголов с частичной

адаптацией в зависимости от формы времени, лица и числа.

Важной особенностью английских элементов в шиаке является то, они произносятся в соответствии с нормами английского языка, что во многом дает основания отказаться от их рассмотрения в качестве заимствований, однако почти никогда не произносятся морфологические маркеры множественного числа и 3-его лица единственного числа. Также отсутствуют маркеры категории времени, такие как окончания прошедшего времени *-ed* и герундия *-ing*. Структура предложений в подавляющем большинстве случаев строится согласно синтаксическим правилам французского языка [20, с. 59]. Тем не менее, характер взаимодействия англо-французских элементов шиака оставляет открытым вопрос о его природе и статусе и требует дальнейшего рассмотрения.

Таким образом, в работе описаны пять случаев проявления в речи последствий языковых контактов в рамках индивидуального и социального двуязычия. Каждый из них характеризуется различной степенью проявления конвергентных процессов в системах двух языков, сфокусированностью и диффузностью, частотностью таких явлений контактного характера, как переключение и смешение кодов. Так, для суржика при украинско-русском двуязычии показатель конвергенции высок, как и для марийско-русского двуязычия, однако в последнем наблюдается явление переключения кодов в речи носителей с преобладанием внутрифразового переключения в различных типах предложений и с варьируемой степенью адаптированности элементов переключения. Речь представителей диаспор, в частности, при рассмотренном русско-английском двуязычии, также отличается частотным внутрифразовым переключением, однако в нем выявлены семь типов межфразового переключения, находящихся в зависимости от языковой компетенции билингов. Отмечена роль языковой игры и сознательного использования лексических и грамматических элементов языка. Она же является ключевой для смешанного характера беринговского диалекта алеутского языка и языка коренного населения острова Медный, в которых языковой выбор в пользу переключения между кодами привел к формированию смешанного кода, выступающего для членов языковой группы элементом самоидентификации. В статье также приводится пример языковой формации шиака, чей статус требует уточнения, что свидетельствует о вариативности последствий языкового контакта. Обнаруженная

дихотомия в тенденции развития шиака проявляется в двунаправленном процессе англицизации и офранцузивания. Интерес вызывают фонологические особенности использования шиака, а также изменения в функционировании элементов английского языка. Важным для дальнейшего исследования является рассмотрение спорного характера шиака, в частности, вопроса о его гибридной природе, а также проявления языковой игры в речевом поведении носителей.

Библиографический список

1. Багана, Ж. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм [Текст] / Ж. Багана, Е. В. Хапилина. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 128 с.
2. Балакина, Ю. В., Соснин, А. В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики [Текст] / Ю. В. Балакина, А. В. Соснин // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2015. – № 2. – С. 5-11.
3. Гаврилова, В. Г. Марийско-русский билингвизм: переключение и смешение кодов [Текст] / В. Г. Гаврилова. – Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2014. – 211 с.
4. Головкин, Е. В. Переключение кодов или новый код? [Текст] / Е. В. Головкин // Труды факультета этнологии: сб. ст. – СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 298-316.
5. Головкин, Е. В. Язык командорских алеутов: диалект острова Беринга [Текст] / Е. В. Головкин, Н. Б. Вахтин, А. С. Асиновский. – СПб. : Наука, 2009. – 355 с.
6. Головкин, Е. В. Языковые изменения и конструирование групповой идентичности [Электронный ресурс] / Е. В. Головкин // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки, 2001. – № 1. – С. 3-10. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/golovko-01.htm>
7. Зурабова, Л. Р. Проявление интерференции в условиях языкового контакта на примере англицизмов в канадском варианте французского языка [Текст] / Л. Р. Зурабова // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика: межк. сб. науч. ст.: посвящено 70-летию О. В. Афанасьевой / сост. и отв. ред. О. Я. Федоренко; науч. ред. К. М. Баранова, О. Г. Чупрына. – М., 2018. – С. 33-37.
8. Зурабова, Л. Р. Языковая политика и трансформация идентичности в контексте современных глобализационных процессов [Текст] / Л. Р. Зурабова // Вопросы гуманитарных наук и управления в сфере образования: сб. Науч. ст. по материалам науч.-практ. конф., посвящ. юбилею В. В. Рябова (г. Москва, 10 окт. 2017 г.) / редкол. В. В. Кириллов (отв. ред.), С. А. Джанумов и др. – М. : Книгодел. МГПУ, 2018. – С. 312-319.
9. Ионина, А. А. Синтаксические особенности современного английского языка, используемого в России [Текст] / А. А. Ионина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11 (65). – С. 86-89.
10. Курохтина, Т. Н. К вопросу об определении понятия «суржик» [Текст] / Т. Н. Курохтина // Славяноведение. – 2012. – № 3. – С. 93-101.
11. Курохтина, Т. Н. Языковые тенденции интерференционных процессов в условиях контактирования украинского и русского языков [Текст] / Т. Н. Курохтина // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материалы междунауч. конф. / редкол. М. Л. Ремнёва и др. – М. : Макс Пресс, 2013. – С. 207-210.
12. Трунова, О. В. Язык как показатель социального статуса и фактор национальной идентичности [Текст] / О. В. Трунова, И. А. Бубнова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2017. – № 2 (26). – С. 62-71.
13. Appel, R. Language contact and bilingualism / R. Appel, P. Muysken. – Amsterdam : Oxford University Press, 2005. – 228 p.
14. Auer, P. From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech / P. Auer // International Journal of Bilingualism, 1999. – № 4. – P. 309-332.
15. Butler, Y. G. Bilingualism and Second Language Acquisition / ed. by T. K. Bhatia, W. C. Ritchie // The Handbook of Bilingualism. – Estes : Blackwell Publishers, 2005. – P. 114-136.
16. Gregor, E. Russian-English Code-switching in New York City / E. Gregor. – Bern : Peter Lang, 2003. – 195 p.
17. Perrot, M.-E. Le trajet linguistique des emprunts dans le chiac de Moncton : quelques observations / M.-E. Perrot // Minorités linguistiques et société / Linguistic Minorities and Society, 2014. – № 4. – P. 200-218.
18. Perrot, M.-E. Statut et fonction du chiac: analyse de discours épilinguistiques / M.-E. Perrot // Francophonies d'Amérique, 2006. – № 22. – P. 141-152.
19. Poplack, S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en espanol: toward a typology of code-switching / S. Poplack // The Bilingualism Reader. – London and New York : Routledge, 2000. – P. 221-256.
20. Thibault, A. Un code hybride français/anglais? Le chiac acadien dans une chanson du groupe Radio Radio / A. Thibault // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. – Stuttgart, 2011. – № 1. – P. 39-65.

Reference List

1. Bagana, Zh. Kontaktnaja lingvistika. Vzaimodejstvie jazykov i bilingvizm = Contact linguistics. Language interaction and bilingualism [Tekst] / Zh. Bagana, E. V. Hapilina. – M. : Flinta: Nauka, 2010. – 128 s.
2. Balakina, Ju. V., Sosnin, A. V. Teoreticheskie osnovy perekljucheniya kodov i funkcionirovaniya zaimstvovaniy s pozicij kontaktnoj lingvistiki = Theoretical basis of code switching and function of borrowings from the point of view of contact linguistics [Tekst] / Ju. V. Balakina,

- A. V. Sosnin // Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija, 2015. – № 2. – С. 5-11.
3. Gavrilova, V. G. Marijsko-russkij bilingvizm: perekljuchenie i smeshenie kodov = Mari-Russian bilingualism: switching and mixing codes [Tekst] / V. G. Gavrilova. – Joshkar-Ola : Marijskij gos. un-t, 2014. – 211 s.
4. Golovko, E. V. Perekljuchenie kodov ili novyj kod? = Switching of codes or new code? [Tekst] / E. V. Golovko // Trudy fakul'teta jetnologii: sb. st. – SPb., 2001. – Vyp. 1. – С. 298-316.
5. Golovko, E. V. Jazyk komandorskih aleutov: dialekt ostrova Beringa = Language of the Commander Aleut: a dialect of Bering Island [Tekst] / E. V. Golovko, N. B. Vahtin, A. S. Asinovskij. – SPb. : Nauka, 2009. – 355 s.
6. Golovko, E. V. Jazykovye izmenenija i konstruirovanie gruppovoj identichnosti = Language changes and group identity constructing [Elektronnyj resurs] / E. V. Golovko // Vestnik molodyh uchenyh. Serija: Filologicheskie nauki, 2001. – № 1. – С. 3-10. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/golovko-01.htm>
7. Zurabova, L. R. Projavlenie interferencii v usloviyah jazykovogo kontakta na primere anglicizmov v kanadskom variante francuzskogo jazyka = The manifestation of interference under language contact conditions on the example of anglicisms in the Canadian variant of French [Tekst] / L. R. Zurabova // Tri «L» v paradigme sovremenogo gumanitarnogo znaniya: lingvistika, literaturovedenie, lingvodidaktika: mezhkaf. sb. nauch. st.: posvjashheno 70-letiju O. V. Afanas'evoj / sost. i otv. red. O. Ja. Fedorenko; nauch. red. K. M. Baranova, O. G. Chupryna. – M., 2018. – С. 33-37.
8. Zurabova, L. R. Jazykovaja politika i transformacija identichnosti v kontekste sovremennyh globalizacionnyh processov = Language politics and identity transformation in the context of modern globalization processes [Tekst] / L. R. Zurabova // Voprosy gumanitarnyh nauk i upravlenija v sfere obrazovanija: sb. Nauch. st. po materialam nauch.-prakt. konf., posvjashh. jubileju V. V. Rjabova (g. Moskva, 10 okt. 2017 g.) / redkol. V. V. Kirillov (otv. red.), S. A. Dzhanumov i dr. – M. : Knigodel: MGPU, 2018. – С. 312-319.
9. Ionina, A. A. Sintaksicheskie osobennosti sovremenogo anglijskogo jazyka, ispol'zuemogo v Rossii = Syntax features of modern English used in Russia [Tekst] / A. A. Ionina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 11 (65). – С. 86-89.
10. Kurohtina, T. N. K voprosu ob opredelenii ponjatija «surzhik» = To the question of the definition of the term « Surzhik» [Tekst] / T. N. Kurohtina // Slavjanovedenie. – 2012. – № 3. – С. 93-101.
11. Kurohtina, T. N. Jazykovye tendencii interferencionnyh processov v uslovijah kontaktirovanija ukrainskogo i russkogo jazykov = Language trends of interference processes in the context of contact between Ukrainian and Russian languages [Tekst] / T. N. Kurohtina // Slavjanskije jazyki i literatury v sinhronii i diahronii: Materialy mezhd. nauch. konf / redkol. M. L. Remnjova i dr. – M. : Maks Press, 2013. – С. 207-210.
12. Trunova, O. V. Jazyk kak pokazatel' social'nogo statusa i faktor nacional'noj identichnosti = Language as an indicator of a social status and a factor of national identity [Tekst] / O. V. Trunova, I. A. Bubnova // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: «Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoje obrazovanie». – 2017. – № 2 (26). – С. 62-71.
13. Appel, R. Language contact and bilingualism / R. Appel, P. Muysken. – Amsterdam : Oxford University Press, 2005. – 228 p.
14. Auer, P. From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech / P. Auer // International Journal of Bilingualism, 1999. – № 4. – P. 309-332.
15. Butler, Y. G. Bilingualism and Second Language Acquisition / ed. by T. K. Bhatia, W. C. Ritchie // The Handbook of Bilingualism. – Estes : Blackwell Publishers, 2005. – P. 114-136.
16. Gregor, E. Russian-English Code-switching in New York City / E. Gregor. – Bern : Peter Lang, 2003. – 195 p.
17. Perrot, M.-E. Le trajet linguistique des emprunts dans le chiac de Moncton : quelques observations / M.-E. Perrot // Minorités linguistiques et société / Linguistic Minorities and Society, 2014. – № 4. – P. 200-218.
18. Perrot, M.-E. Statut et fonction du chiac: analyse de discours épilinguistiques / M.-E. Perrot // Francophonies d'Amérique, 2006. – № 22. – P. 141-152.
19. Poplack, S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en espanol: toward a typology of code-switching / S. Poplack // The Bilingualism Reader. – London and New York : Routledge, 2000. – P. 221-256.
20. Thibault, A. Un code hybride français/anglais? Le chiac acadien dans une chanson du groupe Radio Radio / A. Thibault // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. – Stuttgart, 2011. – № 1. – P. 39-65.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.05.2019

Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019